
КОНТЕКСТ

НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ

«РЕАБИЛИТАЦИЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ

Перед тем как перейти непосредственно к описанию процесса «реабилитации» Ф. М. Достоевского в период оттепели, остановившись на существенных изменениях, затронувших сферы советской культуры, науки и общественной жизни с 1953-го по 1968 год, стоит кратко обрисовать общую атмосферу и отношение к великому русскому писателю в предыдущий исторический период. К концу правления И. В. Сталина в официальной печати за Достоевским закрепилась слава полузапрещенного, вредного и крайне враждебного советской власти литератора. И хотя тотального запрета на упоминания, чтение¹ и хранение книг классика не было никогда (в Москве все это время продолжал работать Музей писателя, а у букинистов можно было купить дореволюционные издания его сочинений), вместе с тем, популяризация его наследия усилиями властей была фактически сведена к минимуму.

Самый мрачный и глухой период замалчивания и «разоблачения» Достоевского пришелся в СССР на 1948 — 1954 годы. Как вспоминает достоевист Е. Н. Дрыжакова, еще осенью 1946-го в связи с 125-летием со дня рождения Достоевского появилось несколько статей о нем. Официальные критики (Д. Заславский, А. Еголин, Н. Пиксанов) выступили с публичными лекциями о писателе. Однако уже к концу 1947-го началась погромная *антидостоевская* кампания [Дрыжакова, 2008, 461]. Наиболее заинтересованные в возможности свободно писать о Достоевском исследователи (вроде А. С. Долинина) даже пытались тогда выяснить личное отношение И. В. Сталина к писателю [Дрыжакова, 2008, 461], но безуспешно. Однако отношение советского диктатора к неудобному классикам можно установить по косвенным мемуарным свидетельствам.

Так, по воспоминаниям югославского политика Милована Джиласа (1911 — 1995), на ужине членов югославской делегации с участием Сталина, состоявшемся в январе 1948 года в Москве, внезапно зашла речь о Достоевском, и Джилас высказал свое недоумение по поводу нападок в СССР на его творче-

Подосокорский Николай Николаевич — историк литературы, критик. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Постоянный автор «Нового мира». Живет в Великом Новгороде.

¹ Удивительно, что в разгар антидостоевской кампании в СССР политическим заключенным читать Достоевского не возбранялось. К примеру, поэт Наум Коржавин (1925 — 2018) вспоминает, как он свободно читал Достоевского, находясь в 1947 — 1948 годы под арестом на Лубянке: «Слава Богу, на Лубянке была большая библиотека из конфискованных книг. Библиотеки этой мы никогда в глаза не видели, но оттуда нам приносили книги — иногда хаотично, но часто и по нашим просьбам. Давали нам все, кроме, как ни странно, произведений классиков марксизма-ленинизма, в том числе и самого Сталина — во избежание, как мне объяснил капитан Бритцов, провокационных толкований. Там я прочел много из Достоевского, полностью „Дневник писателя“» [Коржавин, 2007, 757].

ство: «Я с ранней молодости считал Достоевского во многом самым большим писателем нашего времени и никак не мог согласиться с тем, что его атакуют марксисты. Сталин на это ответил просто:

— Великий писатель — и великий реакционер. Мы его не печатаем, потому что он плохо влияет на молодежь. Но писатель великий!» [Застольные речи Сталина, 2003, 495]².

Эта установка Сталина о Достоевском как прежде всего «великом реакционере» стала ключевой в оценке писателя лояльными советской власти учеными, журналистами и литераторами. По мнению историка культуры П. А. Дружинина, именно Сталин в личном качестве и стоял за внезапной *антидостоевской* кампанией, разразившейся в печати в декабре 1947 года. Как полагает исследователь, недовольство вождя могла спровоцировать излишняя реклама идеологически «незрелой» книги В. Я. Кирпотина «Молодой Достоевский» (1947), поддержанная генеральным секретарем и председателем правления Союза писателей СССР А. А. Фадеевым (якобы книгу даже предполагалось выдвинуть на сталинскую премию) [Дружинин, 2012, 372]. Сталин ознакомился с этой книгой и счел ее вредной для умонастроений советской молодежи, после чего дал соответствующее указание разобраться и принять необходимые меры секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, а тот, в свою очередь, — первому заместителю начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилову.

Последний так вспоминает слова Жданова, пересказывающего высочайшую волю вождя относительно Достоевского: «Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень односторонне, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель, непревзойденный психолог, мастер языка и художественного образа. Он действительно был таким. Но сказать только это — значит подать Достоевского очень односторонне и дезориентировать читателя, особенно молодежь. Ну, а общественно-политическая сторона творчества Достоевского? Ведь он написал не только „Записки из мертвого дома“ или „Бедные люди“. А его „Двойник“? А знаменитые „Бесы“? Ведь „Бесы“ и написаны были для того, чтобы очернить революцию...» [Дружинин, 2012, 373]. В итоге было приказано «скорректировать» общественное восприятие Достоевского за счет резкой публичной критики его идей с коммунистических позиций.

Жертвами *антидостоевской* кампании, мгновенно развернутой в декабре 1947 года и не затихавшей до самого конца правления Сталина³, стали многие деятели науки и культуры. Философ Г. С. Померанц (1918 — 2013) вспоминает, как после его ареста в 1949 году следователь на допросах требовал от него признаться в том, что его давняя курсовая работа о Достоевском «была не только антимарксистской, а прямо антисоветской» [Померанц, 1990, 6]. Защитить диссертацию ему в итоге так и не дали. Профессиональный достоевист А. С. Долинин (1880 — 1968), преподававший в конце 1940-х — начале 1950-х в Ленинградском педагогическом институте, столкнулся с тем, что вести спецкурсы непосредственно о Достоевском было к тому времени уже запрещено [Туниманов, 1989, 26].

² Сталин знал, о чем говорил, называя Достоевского «великим писателем». В его библиотеке было несколько книг писателя, включая роман «Братья Карамазовы», на страницах которого сохранилось более сорока собственноручных помет, сделанных советским вождем. Об интересе Сталина к Достоевскому сообщали его дочь Светлана Аллилуева и партийный функционер Дмитрий Шепилов. О теме «Сталин и Достоевский» см.: [Илизаров, 2012, 360 — 365].

³ Ю. В. Пущаев в своей статье «Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии» пытается опровергнуть «миф» о том, что Достоевский был перед оттепелью полужапрошенным писателем [Пущаев, 2020]. Однако в доказательство своей правоты он апеллирует в основном к ситуации до 1948 года, когда отношение советской власти к писателю действительно было более мягким.

Авторы монографий о Достоевском, вышедших в 1947 году, — А. С. Долинин⁴ и В. Я. Кирпотин (1898 — 1997)⁵ — столкнулись с оголтелой травлей в свой адрес за «ошибочную» оценку ими Достоевского. Кирпотин так описывает происходящее в то время в своем письме к члену Президиума ЦК КПСС В. М. Молотову от 24 апреля 1955 года: «Речь идет о Достоевском. Уже в течение многих лет литературоведение и критика делают вид, что этого писателя не существует. В 1947 году я выпустил в свет книгу „Молодой Достоевский“». Вспоминаю, что, когда я начал работать над Достоевским, покойный Лебедев-Полянский уговаривал меня:

— Зачем это вам? Кроме трудностей, неприятностей и битья, вы ничего не добьетесь. <...>

Книга обсуждалась в Институте мировой литературы им. Горького и в Союзе советских писателей. В обеих инстанциях мою работу одобрили. Положительный отзыв о книге написал А. Фадеев. Появились положительные рецензии в печати, в частности в „Литературной газете“. А в конце декабря 1947 года все резко изменилось. В „Литературной газете“, в „Культуре и жизни“ появились статьи с резкой критикой моей работы. Книга „Молодой Достоевский“ была создана по плановому заданию Института, мировой литературы им. Горького, где я тогда работал. Это первая часть большой монографии. После появления критических статей Д. Заславского и В. Ермилова директор института Еголин вычеркнул тему о Достоевском из планов института и я фактически лишен был возможности завершить свою работу» [Кирпотин, 2006, 614].

Заметка одного из застрельщиков «антидостоевской» кампании Д. И. Заславского (1880 — 1965)⁶ была красноречиво названа «Против идеализации реакционных взглядов Достоевского» («Культура и жизнь», 1947, 20 декабря). В ней Достоевский был назван «одним из самых страстных противников социализма, революции, демократии», а авторы новых книг о писателе — Долинин и Кирпотин — обвинялись в том, что они «фальсифицируют подлинный художественный и идейный облик Достоевского, пытаясь подкрасить его „под социалиста“» [Заславский, 2017, 467]. Брошюра с текстом лекции другого известного зоила тех лет В. В. Ермилова (1904 — 1965) имела схожее название — «Против реакционных идей в творчестве Достоевского» (1948). В статье «Ф. М. Достоевский и наша критика» («Литературная газета», 1947, № 66, 24 декабря) Ермилов призывал к пересмотру сложившегося отношения к писателю: «Всем нашим исследователям и критикам, работавшим над творчеством Достоевского, необходимо многое пересмотреть в своих оценках, отказаться от либерального сахара, чтобы продвинуть вперед марксистско-ленинское изучение сложного, противоречивого, крупного писателя, поставившего немало острых социальных проблем, в том числе проблему „углов“, трущоб,

⁴ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток»). Л., «Советский писатель», 1947.

⁵ Кирпотин В. Я. Молодой Достоевский. М., Гослитиздат, 1947; Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский: Доклад, прочит. 11-го ноября 1946 г. на торжественном заседании Института мировой литературы им. Горького Академии. наук СССР, посвященном 125-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. М., «Советский писатель», 1947.

⁶ Заславский отметил как яростный критик Достоевского еще в середине 1930-х. Когда он узнал, что издательство «Academia» намеревается выпустить отдельным изданием роман «Бесы», то он опубликовал в «Правде» (20 января 1935) фельетон «Литературная гниль», предупредив: «Роман „Бесы“ — это грязнейший пасквиль, направленный против революции» [Чупринин, 2023, 363]. Кроме того, по словам Заславского, «контрреволюционную интеллигенцию всегда тянуло к достоевщине». Как полагает литературовед Б. М. Сарнов, статья Заславского была направлена не столько против Достоевского, сколько против тогдашних руководителей издательства «Academia»: Максима Горького и Льва Каменева (последний к моменту выхода фельетона был уже арестован) [Сарнов, 2009 — 2011, т. 1, 158].

язв капиталистического города, — но поставившего эти проблемы неверно, на основе ложной, реакционной идеологии и субъективно-психологического художественного метода, порывавшего с рядом важнейших реалистических традиций русской литературы» [Дружинин, 2012, 375].

Очевидица тех событий поэтесса Ольга Берггольц (1910 — 1975) записала в своем дневнике 28 января 1948 г. следующее: «Может быть, вся эта, громоздкая система террора, унижений, хамства, лести, мздоимства — устроена только для того, чтоб стереть во мне человека, личность? Ведь догадывались же об этом Достоевский, которого сейчас преследуют у нас, как Зошенко, и даже Толстой» [Берггольц, 2016 — 2020, т. 3, 380]. Достоевский здесь сопоставлен с Зошенко только по одному критерию — его преследовали столь же рьяно, как и живого советского писателя.

В 1950 году в доносе на литературоведа А. И. Белецкого (1884 — 1961), выдвинутого в академики⁷, в числе прочего, сообщался «компрометирующий» его «факт»: в своей статье «Русская наука о литературах Запада», опубликованной в «Ученых записках» МГУ в 1946 году (филологическая серия), он «проповедует космополитизм, восхищается реакционными взглядами Достоевского, низкопоклонствует перед буржуазной литературой, выступает с антимарксистских позиций в трактовке важнейших вопросов. Уже в начале статьи проф. Белецкий с умилением цитирует антипатриотические слова Достоевского „Европа так же была отечеством нашим, как и Россия”» [Сталин и космополитизм, 2005, 579].

Своеобразным мерилем отношения партийных властей к Достоевскому при позднем сталинизме может служить статья о писателе, опубликованная в 15-м томе второго издания Большой советской энциклопедии (том был подписан к печати в сентябре 1952 года, но вышел уже в 1953 году). В ней, в частности, сообщалось следующее: «Утверждая реакционную, пессимистическую идею якобы извечной двойственности человеческой природы, писатель доказывал, что в человеке, наряду с положительными нравственными стремлениями, будто бы обязательно существует себялюбивое и злое начало» [БСЭ, 1949 — 1958, т. 15, 149]. Завершалась статья отсылками к авторитету В. И. Ленина и Максима Горького, указавших на «враждебную» по отношению к социалистам-революционерам идеологию Достоевского: «В 1913 против взглядов Достоевского и их идеализации выступил М. Горький. В. И. Ленин, осуждая „архискверное подражание архискверному Достоевскому”, выступал против литераторов, которые пытались „малевать ужасы, пугать и свое изображение и читателя, забивать себя и его”. Признавая художественный талант Достоевского, Горький боролся с его идеями, враждебными революции, и протестовал против всяких попыток их возрождения. Борьбу Горького против реакционных сторон творчества Достоевского и их канонизации оруженосцами современной зарубежной реакции продолжают советские писатели, советская литературная критика» [БСЭ, 1949 — 1958, т. 15, 149]⁸.

После смерти Сталина в марте 1953 года отношение к Достоевскому на высшем партийном уровне оставалось почти прежним вплоть до октября 1955-го, когда постановлением Бюро Всемирного Совета Мира 75-летие

⁷ Донос был написан неким В. Новиковым и перенаправлен секретарю ЦК ВКП(б), курирующему вопросы агитации и пропаганды, М. А. Суслеву.

⁸ Критики вовсе не старались «аргументированно» развенчивать религиозные (христианские) взгляды Достоевского, но упирали на его вредную «реакционность» в целом. Тогда как именно страстная любовь писателя к Христу и его сосредоточение на духовной жизни человека привлекали в произведениях Достоевского многих читателей. Об этом чудесном эффекте творчества классика, к примеру, пишет актриса Н. А. Кастальская (1913 — 1985) писателю В. Т. Шаламову в 1955 году: «Достоевский ведь это не только искусство — это Новейший Завет, с нажимом, не всеми принимаемым. М <ожет> б<ыть>, больше, чем искусство. Разбедаяющий свет, луч во все двери, почти микроскоп душевный — тоже — разъятие, пророчество, вне всяких „форм”. Водопад мыслей и чувств нескованных» [Шаламов, 2013, т. 6, 193 — 194].

со дня смерти Достоевского было отнесено к числу значимых культурных событий, которые будут отмечаться во всем мире. Весьма характерно, что в вышедшей в 1954 году программной повести И. Г. Эренбурга «Оттепель», отразившей первые заметные веяния новой наступающей эпохи, упоминаются к месту и не к месту имена самых разных писателей-классиков (Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Диккенса, Чехова и др.), кроме Достоевского — прекрасно чувствующий политическую конъюнктуру Эренбург (очень любивший Достоевского еще с юности [Грибоедова, 2015, 109]) отлично сознавал, что высочайший запрет на это имя пока еще не снят.

С 1935 по 1955 год в СССР не вышло ни одной (!) экранизации произведений Достоевского. И, хотя забвение писателя в кино того периода не было абсолютным (можно вспомнить, к примеру, сцену из фильма Григория Александрова «Весна» (1947), в котором героиня Ф. Раневской говорит, что возьмет с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе, и в кадре показана сама книга, изданная еще до революции [Гершзон, 2018, 115]), все же подобные комплиментарные напоминания о нем, рассчитанные на массовую аудиторию, были редкими исключениями и в целом такого рода вставки не поощрялись властями.

В эпоху оттепели изменение отношения к Достоевскому проявилось, в том числе, и в кино, и уже в 1955 году было дано разрешение на выпуск первых за последние двадцать лет фильмов о Достоевском. В 1956 году вышел документальный фильм «Достоевский» С. Д. Бубрика (о нем см.: [Сараскина, 2019, 432 — 437]), что широко освещалось в прессе. Затем последовала целая серия экранизаций произведений писателя: «Идиот» (1958)⁹, «Белые ночи» (1958) и «Братья Карамазовы» (1968)¹⁰ И. А. Пырьева; «Белые ночи» (1958) Мераба Джалиашвили, «Кроткая» (1960) А. Ф. Борисова и проч. Всего с 1958 по 1966 год в Советском Союзе вышло не менее семи фильмов по произведениям Достоевского.

Образы персонажей Достоевского то и дело проступали и через актуальное советское кино. Так, по мнению ряда исследователей, главный герой фильма Э. А. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) Юрий Деточкин «являет собой современный вариант князя Мышкина — „идиота“ сегодняшнего дня» [Прохоров, 2007, 208]. Собственно, с «идиотом» уже сравнивает страхового агента Деточкина непосредственно в фильме его невеста: «Ты посмотри на себя. Ведь ты же идиот!» Эта ассоциация отчасти основывалась на зрительском впечатлении от мастерской игры актера Иннокентия Смоктуновского (исполнителя роли Деточкина), который в конце 1950-х виртуозно сыграл в театре и князя Льва Мышкина, став после этого знаменитостью¹¹. Закадровый же голос в рязановской картине принадлежал другому известному исполнителю роли Мышкина (в киноадаптации «Идиота» Ивана Пырьева) — актеру Юрию Яковлеву. По мнению А. Прохорова, «безумие Деточкина перекликается со „святым безумием“ христообразного героя Достоевского» [Прохоров, 2007, 237].

Ситуация в советском театре применительно к Достоевскому во многом отражала ситуацию, сложившуюся в кино. Последним крупным событием в театральной истории Достоевского при Сталине были «Униженные и оскорбленные» в театре «МХАТ 2-й» (1932). Затем вплоть до начала *антидостоевской* кампании 1947 — 1948 годов к Достоевскому обращались лишь эпизодически:

⁹ К сожалению, эта картина так и не была завершена, и после выхода первой части фильма продолжения не последовало.

¹⁰ Третью серию картины после смерти Пырьева завершили исполнители главных ролей Кирилл Лавров и Михаил Ульянов.

¹¹ Достоевист В. Я. Кирпотин называет его игру «внутренне и внешне совершенной» [Кирпотин, 1980, 334]. Актриса Татьяна Доронина замечает: «Уметь слушать так, как слушал Мышкин-Смоктуновский — сопереживая, сострадавая, утешая и почти без слов, — само по себе дар, чудо! Смоктуновский-Мышкин — это событие не „театральное“, а общечеловеческое» [Доронина, 1998, 225]. Писательница Руфь Зернова (1918 — 2004) вспоминает: «Это было что-то вроде землетрясения. Его тогда приглашали везде и всюду. Угощали, пили за его здоровье...» [Зернова, 1999, 243].

А. Шварц с эстрады читал рассказ «Бобок», В. Яхонтов создал композицию «Настасья Филипповна» (1934), Новосибирская студия имени Петухова поставила спектакль «Мордасовцы» (1936) по мотивам повести «Дядюшкин сон», актеры В. И. Качалов и И. М. Москвин на своих концертах показывали сцены из «Братьев Карамазовых», А. Глумов выступил на эстраде с композицией «Игрока», однако новых постановок не было [Лапкина, 1983, 310, 314].

Только когда настал 1956 год, все резко изменилось в связи с отмечаемым «юбилеем» смерти писателя. Тогда были поставлены в театре многие романы и повести Достоевского: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Игрок», «Идиот» и др. В этих постановках 1950-х, как отмечает Г. Лапина, Достоевский представлял почти исключительно как «социальный писатель», а изображаемые характеры зачастую были слишком одномерными [Лапкина, 1983, 318 — 319]. Резко выделялись в лучшую сторону из этой массы только спектакли «Униженные и оскорбленные» (Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, 1956) и, особенно, «Идиот» (Ленинградский Большой драматический театр имени М. Горького, 1958) Георгия Товстоногова. Последний спектакль вообще стал крупнейшим театральным событием тех лет. Р. Беньяш объясняет это, прежде всего, тем, что эта постановка поразила публику «таинственным совпадением» с ее собственными нравственными проблемами в то время [Беньяш, 1983, 335].

Социолог Б. М. Фирсов (1929 — 2024) вспоминает, как стремительно входившее в годы оттепели в повседневную жизнь советского общества телевидение занималось культурным просвещением, транслируя, в том числе, записи соответствующих театральных постановок. В частности, Ленинградская студия телевидения (ЛСТ) «смогла показать одну из самых громких удач театра Г. Товстоногова — постановку романа „Идиот“, она помогла создать исполнителю роли князя Мышкина — артисту Иннокентию Смоктуновскому популярность в зрительских массах, запечатлеть образ Петербурга Достоевского и героев его произведений в сознании аудитории. Тогда еще был жив внук Федора Михайловича¹², быстро ставший телевизионной звездой, героем передачи о своем великом деде» [Фирсов, 2017, 50]. По утверждению Фирсова, «именно телевидение вернуло писателя в прижизненную коллективную память не только ленинградской, но и советской аудитории» [Фирсов, 2017, 50 — 51].

Главным пропагандистским слоганом памятных мероприятий в рамках 75-летия смерти Достоевского, отмечаемого в СССР с широким размахом в 1956 году, стал «великий русский писатель» (именно так называлось большинство однотипных заметок, опубликованных о писателе в советских газетах 9 февраля 1956 года). Стоит отметить серию выставок, посвященных писателю, которые были организованы накануне 9 февраля 1956 года в ведущих библиотеках страны. К примеру, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина были представлены первые и прижизненные издания произведений Достоевского, критические и библиографические работы о нем, фотокопии рукописей, различные иллюстрации к его романам. Во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы посетителей познакомили с переводами его произведений на английский, немецкий, французский, китайский, турецкий, сербский, венгерский и другие языки мира. Специальная выставка прошла также в Государственной публичной исторической библиотеке и в других¹³.

¹² Имеется в виду Андрей Федорович Достоевский (1908 — 1968) — внук писателя. В середине 1960-х он участвовал в заседаниях рабочей группы ИРЛИ АН СССР по подготовке академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, а также в организации музея писателя в Ленинграде. Опубликовал ряд статей, посвященных своей бабушке Анне Григорьевне Достоевской (1846 — 1918). За три месяца до смерти исполнил предсмертную волю А. Г. Достоевской и организовал перенесение ее праха с Аутского кладбища в Ялте на Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде [Хроника рода Достоевских, 2012, 525].

¹³ Выставки о Ф. М. Достоевском. — «Вечерняя Москва», 1956, № 34, 9 февраля.

В том же 1956 году впервые за всю историю СССР была установлена мемориальная доска с рельефным портретом Достоевского на доме в Ленинграде, где сейчас находится петербургский Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Кузнечный переулок, дом 5/2). Тогда же впервые в Советском Союзе в серии «Деятели мировой культуры» была выпущена почтовая марка с изображением Достоевского и подписью «великий русский писатель». В этой же серии с 17 октября по 25 декабря 1956 года были выпущены марки с изображениями В. А. Моцарта, П. Кюри, Г. Ибсена, Г. Гейне, Д. Б. Шоу и др. [Почтовые марки, 2023, 221].

Если при Сталине Достоевского в официальной печати зачастую развенчивали при помощи искусно подобранных цитат из Максима Горького, то теперь отсылками к другим высказываниям Горького о Достоевском последнего превозносили. Так, заметка Леонида Гроссмана «Великий русский писатель. К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского», опубликованная 9 февраля 1956 года в газете «Вечерняя Москва», начиналась со слов: «По известному отзыву Горького, „гениальность Достоевского неоспорима, по силе образительности его талант равен, может быть, только Шекспиру”¹⁴. И хотя даже эта заметка сопровождалась рядом оговорок о противоречивости мировоззрения писателя, все же в ней указывалось, что советскому человеку «неприлично» не знать Достоевского, а сам классик подавался как критик Европы и ненавистник капитализма. В заметке В. Дорофеева («Советская культура», 1956, № 17 (409), 9 февраля) подчеркивалось, что «память великого русского писателя вместе с советским народом чит все прогрессивное человечество, цена в Достоевском сурового реалиста, обличителя социального зла, порожденного эксплуататорским строем, певца униженных и оскорбленных»¹⁵. В небольшой заметке о Достоевском, размещенной в наиболее влиятельном советском издании — газете «Правда» (1956, № 40 (13703), 9 февраля) — также сообщалось: «Отовсюду идущие вести — яркое свидетельство огромной популярности писателя среди миллионов советских людей»¹⁶.

В годы оттепели заметно меняется и отношение к Достоевскому в советских школьных учебниках литературы. С начала 1940-х годов писатель был исключен из числа изучаемых в школе авторов (хотя краткие упоминания о нем в учебниках все же оставались). Как отмечает Е. Р. Пономарев, возвращение Достоевского в советскую школьную программу произошло лишь в 1956 году, «после реабилитации писателя в идеологическом советском литературоведении» [Пономарев, 2007, 616]. В учебнике литературы для 9 класса А. А. Зерчанинова и Д. Я. Райхина (15-е издание, 1956) Достоевский, хоть и критиковался, но все же воспринимался как символ престижа русской литературы в мире [Пономарев, 2007, 618].

В 1956 — 1958 годах значимым событием стал выпуск 10-томного собрания сочинений Достоевского под общей редакцией Л. П. Гроссмана, А. С. Долиннина, В. В. Ермилова, В. Я. Кирпотина, В. С. Нечаевой и Б. С. Рюрикова, тиражом в 300 тысяч экземпляров (предыдущее собрание сочинений Достоевского в 13 томах под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева выходило с 1926 по 1930 год). Именно в составе этого собрания сочинений впервые с 1928 года в СССР был издан замалчиваемый советской критикой роман «Бесы»¹⁷. В период

¹⁴ Гроссман Л. Великий русский писатель. К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — «Вечерняя Москва», 1956, № 34, 9 февраля.

¹⁵ Дорофеев В. Великий русский писатель. — «Советская культура», 1956, № 17 (409), 9 февраля.

¹⁶ Памяти великого писателя. — «Правда». 1956, № 40 (13703), 9 февраля.

¹⁷ Поэт Б. Л. Пастернак образно назвал сталинский террор 1937 года «шигалевищиной» [Сарнов, 2009 — 2011, т. 3, 895], отсылая к герою «Бесов» Шигалеву, про которого в романе Достоевского было сказано следующее: «У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень

же с 1948 по 1953 год в СССР издавались лишь три романа Достоевского: «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные» и «Бедные люди» [Белов, 2011, 30]. Драматург Евгений Шварц (1896 — 1958) записал в своем дневнике 18 августа 1955 года: «То, как обернутся идеи XIX века, став в XX действием, снилось Достоевскому. Иногда пророчески. Иногда со всей нелепостью сна. И пророчества, сбываясь, как это любит жизнь, оборачивались так, что ни в каком сне не приснятся. Объединение славян сбылось. Но не так. Сбылись кое-какие злые пророчества. Но вот чего не ждал ни один пророк и не пророк, предскажи — засмеяли бы, — это великое значение Достоевского именно в Германии. В России собрания его сочинений у букинистов стоят дорого. Так называемое юбилейное — свыше тысячи. Его читают, но массовыми тиражами издают с осторожностью. Словно боятся» [Шварц, 1999, 203].

Такое отношение к русскому классику на его родине вызывало недоумение и у многих иностранцев, посещавших СССР, что находило отражение во внутренних документах аппарата советской власти. В частности, этот вопрос был поднят в «Записке Ленинградского обкома КПСС о встрече ленинградских писателей с участием М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой с делегацией английских студентов» от 27 мая 1954 года, адресованной в Отдел науки и культуры ЦК КПСС. В документе за подписью секретаря Ленинградского областного комитета КПСС Н. Д. Казьмина сообщалось о том, что английские студенты задавали на встрече разные «провокационные» вопросы, среди которых был и такой: «Почему не издаются произведения такого крупного писателя, как Достоевский?!» [Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 — 1957, 215]. В сентябре того же 1954 года в проекте плана Гослитиздата уже началось издание нового собрания сочинений Достоевского в десяти томах [Гершзон, 2018, 158].

После разгрома в официальной печати книг Долинина и Кирпотина 1947 года, за период с 1948 по 1955 год в СССР не вышло ни одной (!) монографии или сборника о Достоевском, и даже не был издан подготовленный в 1948 году издательством «Искусство» большой альбом иллюстраторов Достоевского [Гершзон, 2018, 115]. Тогда как только за один 1956 год вышло не менее семи книг и брошюр о Достоевском, включая сборник «Ф. М. Достоевский в русской критике». Последний был выпущен Государственным издательством художественной литературы со вступительной статьей А. А. Белкина, и хотя сам факт появления такой книги, несомненно, повышал интерес к творчеству писателя, вместе с тем, по замечанию Л. И. Сараскиной, «огромный пласт литературы о Достоевском, замечательных, новаторских трудов о нем не попал в сборник, полностью исказив перспективу освоения наследия Достоевского в России. Искусственное разделение Достоевского на гениального художника и реакционного мыслителя стало доминантой советского литературоведения времен первой оттепели. Классовый подход к творчеству русских классиков, в том числе и к творчеству Достоевского, надолго закрыл глубинные смыслы их произведений. Взгляд на судьбу Достоевского и его сочинений через оптику „разрешенной“ критики и публицистики видел немного, а то, что видел, трактовал искаженно» [Сараскина, 2019, 439 — 440].

По иронии истории среди первых советских литературоведов, «переткрывших» Достоевского в 1956 году, были все те же печально известные Ермилов и Заславский, еще недавно подвизавшиеся на ниве разоблачения «достоевщины». Тем не менее после рубежного 1956 года книги о Достоевском выходили в СССР почти непрерывным потоком.

наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина!» [Достоевский, 1972 — 1990, т. 10, 322].

Приведем несколько примеров того, как эти изменения воспринимались современниками. Киносценарист А. З. Добровольский (1911 — 1969) писал 10 марта 1956 года своему лагерному товарищу, писателю В. Т. Шаламову: «Возню, затеянную вокруг имени Достоевского, более или менее знаю. Читаю, слушаю радио — и это, и то. По-моему, не нужно лучшего доказательства эффективности давления мирового общественного мнения на Ермиловых, чем вынужденная гальванизация этой великой славы. Может быть, это полное доказательство исчерпанности метода (и только ли литературного?), питаемого вульгарными материалистическими идеями, — даже не идеями, а рефлексами не выше спинного мозга?.. Признать великим Достоевского — значит одновременно признать ничтожество Фаддея Булгарина и Греча — не так ли? Я прочел в „Новом мире” главы из книги Ермилова о Достоевском. Из них трудно понять — чем же был велик Достоевский? Тем, что он с беспримечной силой раскрыл диалектику самоопровергающихся идей (всех, любых!) или тем, что даже Ермилову пришлось его признать?.. Жду книги. Его и Заславского. С интересом прочту. Мне бы хотелось знать Ваше мнение по этому поводу. Вы можете судить объективнее о том, что делается в русских умах в периоде между двумя съездами и чего следует ожидать после последнего» [Шаламов, 2013, т. 6, 130 — 131].

В письме Аркадию Добровольскому от 30 марта 1956 года Варлам Шаламов саркастически прокомментировал, в свою очередь, новую работу Д. Заславского о Достоевском: «Посмотрел жалкую брошюрку Заславского о Достоевском¹⁸. По ней, впрочем, можно видеть, что главным достижением советской науки считаются многолетние архивные изыскания (увенчавшиеся успехом), имевшие целью доказать, что отца Достоевского убили его крепостные за жестокость. Этот „вклад” делает честь нашему литературоведению, неожиданным представителем которого выступает господин Заславский» [Шаламов, 2013, т. 6, 137].

Р. Г. Назиров (1934 — 2004), будущий достоевист, живший в Уфе, отметил в своем дневнике от 4 февраля 1956 года, как изменилось общее отношение к Достоевскому в стране в то время: «Читал в 12 номере „Нового мира” за 1955 год главы из новой монографии Ермилова о Достоевском. Да, Ермилов, ренегат, он снова сделал „ход конём”, — своего рода тушинский перелёт. Бывший горячий поклонник Достоевского, он в годы закаменения объявил, что Достоевский стоит „по ту сторону баррикад”, что он нам враг, отсюда вывод: не печатать его и не читать. Дошло до того, что однажды в Республиканской библиотеке, в читальном зале, тощая и постная библиотекарьша с изуверскими ноздрями отказалась мне выдать „Подростка” под каким-то ничтожным предлогом. Европа нас пристыдила. Ещё Жан-Поль Сартр в интервью газете „Либерасьон” подробно разобрал советское отношение к Достоевскому. Сейчас наши большие люди многое пересматривают: пересмотрели и это» [Назиров].

О том же и тогда же (записи от 6 и 26 февраля 1956 года) писал в своем дневнике достоевист Валерий Кирпотин: «После смерти Сталина в русскую литературу возвращается имя Достоевского. <...> В журнале „Коммунист”, № 2, опубликована статья Б. Рюрикова „Великий русский писатель Ф. М. Достоевский”. Статья заканчивается словами: „Советская и мировая общественность отмечает 75-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Всемирный Совет Мира включил эту дату в число юбилейных дат, отмечаемых сторонниками мира во всем мире”. Вот и все, что им известно о Федоре Михайловиче: что он — великий писатель, что 75 лет назад умер и что Всемирный Совет Мира, а значит, и Фадеев, решили отметить эту дату...» [Кирпотин, 2006, 620].

В. Б. Шкловский, который еще в 1934 году, выступая на I съезде советских писателей, называл Достоевского «изменником» [Чупринин, 2023, 1018], теперь завершал свою новую книгу «За и против. Заметки о Достоевском» (1957)

¹⁸ Имеется в виду работа: Заславский Д. И. Ф. М. Достоевский. Критико-биографический очерк. М., Госполитиздат, 1956, 79 стр.

призывом переосмыслить прежнее отношение к классику: «Время понять Достоевского: разбить цепь, сковывающую живого Достоевского с отвергнутыми мертвецами» [Шкловский, 1957, 258].

Только благодаря оттепели А. С. Долинин смог, наконец, завершить многострадальное издание писем Достоевского. Первые три тома писем, подготовленные Долининым, вышли еще в 1928 — 1934 годы в издательствах «ГИЗ» (Государственное издательство) и «Academia», но выпуск заключительного четвертого тома (изначально его намеревались выпустить в 1936 году) постоянно откладывался на неопределенный срок. Когда четвертый том все же вышел в 1959 году, литературовед Ю. Г. Оксман отправил ученице Долинина Е. Н. Дрыжаковой открытку с характерным поздравлением: «Наконец-то мы его дождались, да и как было не дождаться после того, как мы дождались смерти Сталина...» [Дрыжакова, 2008, 465]. При этом сам редактор труда Долинин видел в этом событии отнюдь не только научное значение, но, прежде всего, социокультурную миссию, в угоду которой тексты писателя были подвергнуты дополнительному купированию. Вот как, к примеру, Долинин объяснял в письмах Дрыжаковой того периода мотивацию своего столь вольного обращения с письмами классика: «Да, я убрал грубые слова „жид“, „жидовский“ и т. п. из текстов писем Достоевского. Я не хочу, чтобы, не разобравшись как следует, молодая и горячая еврейская интеллигенция отвернулась от Достоевского» [Дрыжакова, 2008, 466].

Между тем процесс восстановления полузапрещенного Достоевского в правах общепризнанного писателя происходил отнюдь не ровно и гладко. К примеру, в записке отдела культуры ЦК КПСС от 22 марта 1957 года, посвященной разбору рецензии Берты Брайниной (1902 — 1984) («Литературная газета», 21 марта 1957 года) на повесть М. А. Никитина «Здесь жил Достоевский» (1956), указывалось, что в ней (рецензии Брайниной) «допускается грубое извращение в оценке мировоззрения и творчества Достоевского, делается попытка оправдать ренегатство писателя, изменившего идеям социализма, которыми увлекался он в юности» [Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 — 1957, 643]. Работа Брайниной воспринималась как резко выбивающаяся по своему тону из куда более сдержанных и витиеватых по отношению к Достоевскому формулировок, свойственных тогдашней партийной печати: «Публикация статьи Б. Брайниной, в которой содержится апологетическая оценка реакционного мировоззрения Достоевского, оправдывается политическое ренегатство писателя и затушевывается противоречивость его творчества, является грубой ошибкой „Литературной газеты“» [Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 — 1957, 644]. Однако ответные меры на такое «вольнодумство» предлагались куда более вегетарианские, чем в 1948 году: указать главному редактору издания на допущенную ошибку и поручить редакции газеты «Правда» выпустить статью, содержащую критику рецензии Брайниной.

Постепенно, однако, все больше представителей советской интеллигенции пытались вступить за честь Достоевского. Выступая на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС с участием молодых писателей, художников, творческих работников кино и театров Москвы 24 декабря 1962 года, 32-летний художник Илья Глазунов публично назвал Достоевского мерилом вкуса в искусстве: «Достоевский говорил: „Я реалист в высшем смысле этого слова. Я ищу человека в человеке“. Вот это, мне кажется, и есть подлинный реализм, а не плоские мещанские анекдоты или желание следовать модным вчера западным художникам» [Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 — 1964, 327]. Заявление Глазунова не было поддержано большинством, но важно, что молодой художник уже мог безнаказанно его сделать на таком официозном собрании.

В 1963 году в новой редакции вышла ставшая впоследствии всемирно знаменитой книга М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (первая редакция этого труда появилась в печати в 1929 году). Как писал причастный к публикации этой книги филолог С. Г. Бочаров: «1963-й стал годом про-

рыва, и все по щучьему велению переменялось. Состоялось второе рождение обновленной, но старой книги — и она была принята новым временем так, как и свое время ее не приняло то, „свое“, время. Состоялась счастливая встреча старого автора с новым временем. Это было событие историческое — на повороте нашей советской истории. Поворот его сделал возможным, и оно же было свидетельством о повороте. Ведь недаром же эта одновременность с явлением „Одного дня Ивана Денисовича“ — недавно об этом вспомнила И. Роднянская» [Бочаров, 2002, 278].

В том же 1963 году в «Проблемах мира и социализма» (№ 5) была опубликована пламенная публицистическая статья будущего известного достоевиста Ю. Ф. Карякина (1930 — 2011) «Антикоммунизм, Достоевский и достоевщина», в которой автор призывал видеть в Достоевском не столько антикоммуниста, сколько критика буржуазной идеологии и капитализма и указывал на то, что соответствующее изучение противоречивого и сложного творчества писателя может быть с успехом использовано на благо советского общества, которое не имеет права допустить, чтобы кто-то извне «монополизировал» такого крупного русского художника, каким является Достоевский. «Библиографы знают, как трудно подсчитать международный тираж книг Достоевского и число работ о нем. Но, может быть, этот факт имеет большее значение для идеологов и политиков, ибо он означает, что Достоевский так или иначе участвует в формировании мировоззрения многих наших современников» [Карякин, 2021, 81].

В нашей статье нет возможности и необходимости перечислять все работы о Достоевском, вышедшие в годы оттепели, отметим лишь еще некоторые наиболее значимые книги: «Ф. М. Достоевский: творческий путь (1821 — 1859)» (1960) В. Я. Кирпотина, «Ф. М. Достоевский» (1962) Л. П. Гроссмана, «Идеи и образы Ф. М. Достоевского» (1962) М. С. Гуса, «Достоевский и Кант» (1963) Я. Э. Голосовкера, «Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы»» (1963) А. С. Долинина, «Романы Достоевского» (1963) Я. О. Зунделовича, «О стиле Достоевского» (1963) Н. М. Чиркова, «Реализм Достоевского» (1964) Г. М. Фридлендера, «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» в 2 т. (1964), «Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»» (серия «Литературное наследство». Т. 77. 1965) и др. Примечателен отклик поэта Иосифа Бродского на книгу одного из крупнейших советских специалистов по Достоевскому — Г. М. Фридлендера: «Искусствознание или литературоведение возможно лишь тогда, когда исследователь способен встать вровень с исследуемым. Вот я читаю Фридлендера о Достоевском и вижу там только самого автора, его представление о Достоевском. Не говоря уже о том, что он уличает Федора Михайловича в ошибках с марксистских позиций, но Достоевскому-то марксизм был чужд, и, естественно, он в его рамки не укладывается. Вот так называемый объективный подход превращается в субъективный» [Мильчик, 2015, 316].

На излете оттепели, в 1966 году в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР была создана Группа по изданию первого академического Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах, последующий выход которого, растянувшийся почти на двадцать лет, значительно содействовал развитию науки о Достоевском [Архипова, 2007], которая долгое время находилась в состоянии застоя. К примеру, в том же ИРЛИ АН СССР за период с 1941 по 1971 год «не было защищено о Достоевском ни одной диссертации, как кандидатской, так и докторской; не состоялось ни одной специальной конференции или научного заседания, посвященного писателю» [Якубович, 2007, 12]. В целом же, если говорить о тенденциях достоевистики периода оттепели, то, по наблюдению А. Дмитриева, «наступательный и почти изблещительный пыл второй половины 1950-х довольно явно заменяется в 1960-е годы претензией на целостное постижение Достоевского, в отличие от западных будто бы идеологизированных и односторонних трактовок» [Дмитриев, 2021].

«Реабилитация» Достоевского в годы оттепели была по большей части связана с попытками создать более благоприятный образ СССР в остальном мире, поскольку на тот момент во многих странах к Достоевскому испытывали огромный и постоянно растущий интерес как ведущие интеллектуалы, так и рядовые читатели. Влиятельный советский журналист Алексей Аджубей (1924 — 1993), зять первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, рассказывая о своей поездке в США в 1955 году, отмечает, что Достоевский, Толстой — это «единственные имена, широко знакомые американцам» [Аджубей, 1989, 124]. Философ С. И. Фудель в книге «Наследство Достоевского», написанной в 1963 году, ссылается на беспрецедентную популярность Достоевского среди парижских студентов [Фудель, 2001 — 2005, т. 3, 7]. К. И. Чуковский в письме к В. А. Каверину от 3 ноября 1967 года замечает: «Русские писатели, знающие Достоевского хуже, чем японцы, — конечно, национальный позор» [Чуковский, 2013, т. 15, 624].

Это обстоятельство постоянно подталкивало коммунистических функционеров на дополнительные усилия по новому осмыслению творчества писателя для его эффективной культурной экспроприации советским государством. Поддержание международного престижа страны больше не позволяло замалчивать или отрицать колоссальное значение Достоевского для мировой культуры и как бы отдавать его на откуп идеологическому врагу. Вместе с тем, попытки придать Достоевскому сколь-либо презентабельный «советский» вид отличались своеобразным трагикомизмом. Так, издатель нью-йоркского альманаха «Воздушные пути» Р. Н. Гринберг (переписывался с Чуковским под псевдонимом «Соня Гордон») в письме к тому же Чуковскому от 27 марта 1965 года выражал сарказм по поводу манипулятивных попыток советских деятелей культуры «доказать, что Чехов и Гоголь, Достоевский и Толстой были предтечами советского режима» [Чуковский, 2013, т. 15, 676].

Итак, после многих лет замалчивания Достоевского писатель был «реабилитирован» на родине лишь в 1956 году, что формально было связано с планами советского руководства широко отметить 75-летие смерти классика. Однако реализация этих планов стала возможна только в условиях новой культурной политики. Разумеется, «реабилитация» великого писателя в период оттепели не была полной и безусловной. Даже в финале своего правления первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Н. С. Хрущев не скрывал личного скепсиса в отношении все еще подозрительного Достоевского. Во время своего визита в Египет в мае 1964 года советский лидер публично выразил недовольство тем, что египетский журналист Мохаммед Хейкал (1923 — 2016) описал его в своем очерке как «мужика из романов Достоевского», причем его раздражение было вызвано не тем, что его сравнили с простым крестьянином, но что использовали при этом отсылки к Достоевскому, а не, скажем, к «зеркалу русской революции» Льву Толстому [Тaubман, 2008, 659 — 660].

Под самый конец оттепели А. И. Солженицын в «Письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей» от 16 мая 1967 года, описывая различные проявления недавней и текущей советской цензуры, в числе прочего упомянул и о том, что «даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (**не полностью печатают и сейчас**), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили» [Солженицын, 1995 — 1997, т. 2, 28]. К середине 1960-х в стране заметно усилилось некоторое торможение властью слишком бурных и смелых обращений деятелей советской культуры к Достоевскому. В 1966 году лег на полку фильм А. А. Алова и В. Н. Наумова «Скверный анекдот» (впервые он был показан лишь в декабре 1987 года).

Некоторые театральные проекты, так же как и отдельные фильмы по Достоевскому, не были пропущены цензурой. К примеру, не повезло замыслу художественного руководителя Театра на Таганке Юрия Любимова (1917 — 2014) и его коллеги, литературоведа Юрия Карякина поставить спектакль «Арифметика» на основе ряда романов писателя. Вот как объяснял идею этого

спектакля на заседании художественного совета театра от 13 ноября 1967 года Карякин: «Тут имеются в виду арифметические расчеты. Вот я старушку убью, она все равно не человек, а вошь, а деньги я пушу на благо человечества. Потом выясняется, что он не только старушку убил, но и ее сестру, которая к тому же была беременная. К тому же он себя отрезал от людей, к тому же оказывается, что этим он убил не только себя, но и свою мать. В спектакле мы хотим показать, что если такая идея овладеет душой и головой одного человека и приводит к таким результатам, то что же может получиться, если такие идеи овладеют душами и умами многих людей, и тут идет всеобщая потасовка. Когда люди в страхе режут, убивают друг друга. Однако на одном преступлении и наказании вряд ли можно это сделать. Достоевский отдал всю свою жизнь этим идеям. Если говорить без обиняков, то сейчас происходит кризис сознания и души молодого человека, он отбрасывает старое, хватается за новое, которое его обманывает, он ищет опоры, и он видит, что такой опоры нельзя найти ни без Маркса, ни без Брехта, ни без Достоевского. Эти три опоры — это идея изживания арифметического мировоззрения» [Абелюк, 2019].

А вот как объяснял свой интерес к этой теме Любимов: «Мы часто слышим — начала читать „Преступление и наказание“, но отложила, не могу читать Достоевского, он меня угнетает. А мне кажется, что Достоевский очищает, потому что он ставит все вопросы, которые человек боится перед собой поставить, уходит от них. Я считаю, что такой спектакль будет чрезвычайно современным и полезным. Материалом пока не надо себя ограничивать, надо, прежде всего, поставить вопросы, на которые хочется ответить, а потом найдем и материал» [Абелюк, 2019]. Поставить эти вопросы в 1967 году Любимову и Карякину не дали (последнего в 1968-м и вовсе исключили из партии за антисталинское выступление на вечере памяти Андрея Платонова), однако позднее Любимов все же поставил и «Преступление и наказание» (1979), и «Бесы» (1985), и «Братья Карамазовы (Скотопригоньевск)» (1997).

Несмотря на некоторый откат назад в отношении властей к популяризации в СССР творчества Достоевского, наметившийся к концу оттепели, тем не менее после *прорывного* 1956 года, в котором состоялся знаменитый XX съезд КПСС и был осужден культ личности Сталина, власти уже никогда не пытались полностью игнорировать и запрещать писателя, всячески стремясь, наоборот, присвоить себе его всемирную востребованность и умело использовать ее как свой инструмент мягкой силы.

Список литературы

Абелюк, 2019 — Абелюк Е. К вопросу о формировании репертуарной политики Театра на Таганке. — «Юрий Любимов. Театр Жизни», международная научная конференция (2019; Москва), сост. А. А. Колганова. М., РГБИ, 2019, 209 стр. <<https://hum.hse.ru/lyubimov/abelyuk/repertuar>>.

Аджубей, 1989 — Аджубей А. И. Те десять лет. М., «Советская Россия», 1989. 333 стр.

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 — 1957 — Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953 — 1957: Документы, отв. ред. В. Ю. Афиани. М., РОССПЭН, 2001. 808 стр.

Архипова, 2007 — Архипова А. В. Как мы издавали академического Достоевского. — Достоевский и XX век: в 2 т. Под ред. Т. А. Касаткиной. М., ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1, стр. 640 — 650.

Белов, 2011 — Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844 — 2004 гг. СПб., Российская национальная библиотека, 2011. 755 стр.

Беньяш, 1983 — Беньяш Р. След вечного (Спектакли Г. Товстоногова по Достоевскому). — Достоевский и театр: Сборник. Сост. и общ. ред. А. А. Нинова. Л., «Искусство», 1983, стр. 335 — 364.

Берггольц, 2016 — 2020 — Берггольц О. Ф. Мой дневник в 3 т. Сост. Н. А. Стрижковой, А. П. Гавриловой. М., «Кучково поле», 2016 — 2020 гг.

Бочаров, 2002 — Бочаров С. Г. Событие бытия. О Михаиле Михайловиче Бахтине. — Михаил Бахтин: pro et contra. СПб., Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002. Т. 2, стр. 277 — 294.

Гершзон, 2018 — Гершзон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. Очерки. М., «Модест Колеров», 2018. 390 стр.

Грибоедова, 2015 — Грибоедова А. В. Идеи и образы Ф. М. Достоевского в романах И. Г. Эренбурга первой половины 1920-х годов. — «Вестник МГПУ». Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015, № 1 (17), стр. 109 — 114.

Дмитриев, 2021 — Дмитриев А. «Наш Достоевский»: присвоение как саморазрушение. — «Revue des études slaves», 2021. ХСII-3-4, стр. 487 — 505 <<http://journals.openedition.org/res/4805>>.

Доронина, 1998 — Доронина Т. В. Дневник актрисы / Послесловие Р. Беньяш. М., «Вагриус», 1998. 315 стр.

Достоевский, 1972 — 1990 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., «Наука», 1972 — 1990.

Дружинин, 2012 — Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., «Новое литературное обозрение», 2012. Т. 1. 592 стр.

Дрыжакова, 2008 — Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления. СПб., «Дмитрий Буланин», 2008. 520 стр.

Заславский, 2017 — Заславский Д. И. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского. — Русская классика: pro et contra. Железный век, антология. Сост. И. А. Есаулов, Т. Г. Петрова. СПб., РХГА, 2017, стр. 467 — 476.

Застольные речи Сталина, 2003 — Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья, составление, комментарий, приложение В. А. Небезина. М., «АИРО-XX»; СПб., «Дмитрий Буланин», 2003. 544 стр.

Зернова, 1999 — Зернова Р. Последний дворянский писатель. Встречи с Виктором Некрасовым. — «Время и мы», 1999, № 142, стр. 238 — 248.

Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 — 1964 — Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 — 1964: Документы. Отв. ред. В. Ю. Афиани. М., РОССПЭН, 1998. 552 стр.

Илизаров, 2012 — Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 4-е изд., доп. М., «Вече», 2012. 432 стр.

Карякин, 2021 — Карякин Ю. Ф. Антикоммунизм, Достоевский и «достоевичина». <Фрагменты>. — Ф. М. Достоевский: pro et contra, антология. Советский и постсоветский Достоевский. Сост., вступ. статья, коммент. И. А. Есаулова (при участии Ю. Н. Сытиной). СПб., РХГА, 2021, стр. 81 — 96.

Кирпотин, 1980 — Кирпотин В. Я. Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., «Советский писатель», 1980. 375 стр.

Кирпотин, 2006 — Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. М., «Захаров», 2006. 848 стр.

Коржавин, 2007 — Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания в 2 кн. М., «Захаров», 2007. Кн. 1. 864 стр.

Лапкина, 1983 — Лапкина Г. Достоевский на советской сцене (1917 — 1970). — Достоевский и театр: Сборник. Сост. и общ. ред. А. А. Нинова. Л., «Искусство», 1983, стр. 290 — 334.

Мильчик, 2015 — Мильчик М. Бродский в родном Ленинграде. — Иосиф Бродский и Литва. Сост. Р. Катилос. СПб., Журнал «Звезда», 2015, стр. 306 — 323.

Назирова — Назирова Р. Г. Из дневников 1951 — 1964 годов. — «Прожито» <<https://corpus.prozhito.org/note/779241>>.

Померанц, 1990 — Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., «Советский писатель», 1990. 384 стр.

Пономарев, 2007 — Пономарев Е. Р. Ф. М. Достоевский в советской школе. — Достоевский и XX век: в 2 т. Под ред. Т. А. Касаткиной. М., ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1, стр. 612 — 624.

Почтовые марки, 2023 — Почтовые марки. Российская империя, РСФСР, СССР 1857 — 1965. Ред. В. Загорский. СПб., Издательство В. Загорского, 2023. 347 стр.

Прохоров, 2007 — Прохоров А. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». Перевод с английского Л. Г. Семеновою и М. А. Шерешевскою. СПб., «Академический проект», Издательство ДНК, 2007. 344 стр.

Пущаев, 2020 — Пущаев Ю. В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии. — «Философский журнал», 2020. Т. 13, № 4, стр. 102 — 118.

Сараскина, 2019 — Сараскина Л. И. Образ Достоевского в эпоху политических реабилитаций. Критика, экран, сцена. — «Художественная культура», 2019, № 4 (31), стр. 426 — 459.

Сарнов, 2009 — 2011 — Сарнов Б. Сталин и писатели в 4 т. М., «Эксмо», 2009 — 2011.

Солженицын, 1995 — 1997 — Солженицын А. И. Публицистика в 3 т. Ярославль, «Верхне-Волжское книжное издательство», 1995 — 1997.

Сталин и космополитизм, 2005 — Сталин и космополитизм. 1945 — 1953. Документы Агитпропа ЦК. Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., «МФД: Материк», 2005. 768 стр.

Таубман, 2008 — Таубман У. Хрущев. Перевод с английского Н. Л. Холмогоровой. 2-е изд. М., «Молодая гвардия», 2008. 850 стр.

Туниманов, 1989 — Туниманов В. А. Дон Искоз. — Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Сост. А. Долинина; Вступительная статья В. Туниманова; Примечания М. Билинкиса и др. Л., «Художественная литература», 1989, стр. 3 — 30.

Фирсов, 2017 — Фирсов Б. М. Ленинградское телевидение как феномен культурной жизни города и страны. — Культура и власть в СССР. 1920 — 1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24 — 26 октября 2016 г. М., «Политическая энциклопедия»; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2017, стр. 48 — 58.

Фудель, 2001 — 2005 — Фудель С. И. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост. и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной; предисл. прот. В. Н. Воробьева. М., «Русский путь», 2001 — 2005.

Хроника рода Достоевских, 2012 — Хроника рода Достоевских. Под редакцией И. Л. Волгина. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М., «Фонд Достоевского», 2012. 1232 стр.

Чуковский, 2013 — Чуковский К. И. Собрание сочинений в 15 т. 2-е изд., электронное, исправленное. М., «Агентство ФТМ, Лтд», 2013.

Чупринин, 2023 — Чупринин С. Оттепель: Действующие лица. М., «Новое литературное обозрение», 2023. 1112 стр.

Шаламов, 2013 — Шаламов В. Т. Собрание сочинений в 6 т. + т. 7, доп. Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М., «Книжный Клуб Книговек», 2013.

Шварц, 1999 — Шварц Е. Л. Позвонки минувших дней. Сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. М., «Корона-принт», 1999. 608 стр.

Шкловский, 1957 — Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М., «Советский писатель», 1957. 259 стр.

Якубович, 2007 — Якубович И. Д. Достоевский в Пушкинском Доме. — Достоевский: материалы и исследования. 2007. Т. 18, стр. 3 — 26.

